

КРУПНЫМ ПЛАНOM

Василий БЕЛОВ

Фото В. БОГДАНОВА

Поэт всегда разрывается между сиюминутным и вечным. С возрастом сиюминутное, сегодняшнее, злободневное не обязательно игнорируется поэтом, просто оно воспринимается иначе, как бы в проекции, в перспективе, в диалектическом круговороте жизни. Заглавное стихотворение «Зеленые врата» новой книги Ивана Драча, мне кажется, об этом.

Врата земли,
открылись щедро вы,
и вышел я,
продубленный ветрами,
глотнуть и тьмы,
грозы и синевы
и во врата вернуться,
словно к маме...
Идя вперед, дерни свой
гордый стяг
и людям о себе
добром напомни.
Свой каждый шаг
(ты дома, не в гостях)
пульсирующей вечностью
наполни.
(Перевод Н. ШУМАКОВА)

«Зеленое мгновенье» жизни... Чем наполнено оно, к чему призвано? Вопрос ставится не юношей, но мужем. Поэтому игра в слова уже не годится. Душа созрела. Но легче ли ей от этого? «Зачем душа болит? Зачем ей все больнее? Зачем так тяжела? Зачем все тяжелее? Так требует земля. Земное притяжение. Пускай живет в душе святое излучение... Так властвует земля с годами все сильнее, пусть сердце с каждым годом все полнее... Земное все — земле. То — материнства право! Так думаю теперь тревожно, нелюбово». (Перевод П. Жура)

Душа осознала свое, главное призвание. Но как творить добро, когда в мире столько зла? Когда еще болят раны минувшей войны и бывшие бойцы носят в своем теле ее осколки? А человечеству угрожает новая и реальней-

шая опасность быть превращенным в пепел?

Так, может, творить добро в таком случае — будоражить человеческую память? И вот встают в нашей памяти легендарные Кий, Щек и Хорив. Встают, однако, не как мифические персонажи, а как эпические герои — равноправные участники сражения за освобождение Киева.

Литературные персонажи вступают в контакт с реальными людьми. Необычное имя

«ЗАЧЕМ ДУША БОЛИТ?»

Заметки о поэзии Ивана Драча

киевского врача Фауста Шкаровского, собравшего «чудовищную коллекцию инструментов, которыми пытались в фашистских концлагерях», позволяет поэту устроить встречу автора «Фауста» — Гёте и персонажей его драмы со своим земляком. Тем более что поведенье и реакция героев — вполне в духе их характеров: увидев орудия пыток, «Гёте зарыдал без звука, и криво ухмыльнулся бес». Эту криковую гримасу беса почувствуем мы и в другом стихотворении, точнее — «Ненаписанной поэме». Вот она:

Шарлота фон Штейн
Выезжает из одних ворот
Веймара.
Иоганн-Вольфганг Гёте
Выезжает —
для конспирации —
из других ворот.
Там, где они в лесу
обнимаются,
Привлекая коней к бунам
столетним,
Через столетие с лишним
будет
Гудеть Бухенвальд...
(Перевод Л. ОЗЕРОВА)

Автор назвал эти восемь-девять строк «Ненаписанной поэ-

мой». Но поэма написана — и количество строк здесь ни при чем. Просто то, что автор опустил — пролегло между двумя обозначенными событиями столетие с лишним. — мы знаем и прочитываем его самостоятельно. Прочитываем с реальным ощущением эпичности этой восьмистрочной поэмы. А создает его уложившееся между строк Время.

Вот еще один эпос. Времени (из цикла «Стихи на перфокартах»): «Вчера в предвечерье

тень как две капли похожа на леонардовский профиль...»
Две тени — художника-мастера-гения, предвосхитившего изобретение пулемета, подводной лодки, отравляющих газов, — и жертвы человеческого познания — совместились на ступенях ядерным взрывом в Хиросиме. И подступать здесь к поэту с прописями типа: гений не виноват в том, что его открытия были использованы во вред человечеству, что научно-технический прогресс необратим, — неудобно и неправомерно. Поэтому что логика поэта движется по своим художествен-

ным законам, и попробуйте ее опровергнуть. Вы скажете, Леонардо писал картины, создавал фрески — при чем здесь пулемет? Но мы-то знаем, что потом произошло. И потому... потому его пулемет стреляет на стенах трапезной Санта-Мария из темных зрачков Иуды по незаконченному лику Христа».

Так что же, гений и злодейство совместимы? — воскликнет здесь «критичный читатель» И. Драча. Не знаю. С тех пор, как Пушкин написал свою знаменитую формулу, мир неузнаваемо изменился и мы многое узнали. К сожалению, очень многое — и о злодействе, и о возможности человеческого гения. Мы знаем уие, хотя и не осознаем до конца, что безграничность познания может принести человечеству как неисчислимые блага, так и гибель. Время, научное и техническое могущество современного человека меняют взгляд на проблему совместности гениальности и злодейства.

И поэт, прекрасно осознающий это, видящий опасность в инерции, равнодушии, привычке человека ко всему, бьет тревогу: «Сначала все. С азов. Давай же начинать! Поставь на все житея незримую печать... Сначала все! Как это значит много, — иначе ты заснешь, моя тревога...» (Перевод В. Шацкова)

Об этом поэт предупреждает и своих читателей. В стихотворении «Сумасшедший автомобиль» из вышедшего на украинском языке одновременно с «Зелеными вратами» сборника «Американский зошит» («Американская тетрадь») автор рисует гротескную картину вырвавшейся из-под власти человека техники, угрожающей подавлением его духовных интересов. Здесь Драч близко переключается со своими русскими сверстниками — Е. Евтушенко, А. Вознесенским, скажем, с его известной формулой: «Все прогрессирует — реакция, если рухнет человек». Можно сказать, что и названные русские поэты, и И. Драч продолжают линию, начатую классиками советской литературы — Горьким, Маяковским, Есениным, столкнувшимися еще на заре века и в 20-е годы во время своих зарубежных поездок с алчным миром потребительства, где вещиизм и чудеса техники подчинили себе человека, раздели, подобно ржавчине, его душу.

Сегодня этот мир опасен не только своей потребительской философией. В стихотворении «Ракета смотрит на Киев» автор со всей предметностью говорит о реальности угрозы, нависшей над каждым из нас, о зловещих планах «торговцев смертью»: «Мастер Смерти, будто кобру, свою тигвию натягивает. В колчане стрелы гнездятся: «Лавра», «Киберцентр», «София». Яд тринитротолуоловый на весь Киев уже запрограммирован». (Перевод подстрочный).

В сконцентрированном виде тревоги века запечатлены в стихотворении «Грибная фантазия». Поэт, отправившийся вместе с сыном по грибы, просит его, как бы шутя, очистить лес от хлама — консервных банок, бутылок и т. п., так ска-

зать, отхсдов современной цивилизации. Но вот он предлагает закопать в яму и оставшуюся от минувшей войны гранату, и мы понимаем, что разговор идет уже всерьез. «Бросай гуда ганки, гранаты, ракеты бросай и бомбы, в пасть этой импровизированной такой святой катакомбы... Мы атомный гриб закопаем глубоко в нору-конуру, потом созовем, как на праздник, планеты всей детворе...» (Перевод Н. Котенко)

Однако чтобы такой праздник стал реальностью, человечеству еще предстоит немало поработать над собой. «Вот только пчелка на саблю присела — и не поднять мне саблю на дело» — это взгляд человека, ценящего красоту жизни и потому бережущего ее. Но ведь это не каждый понимает. И даже — не каждый художник. В стихотворении «Джон Стейнбек в музее Тараса Шевченко» поэт с горечью размышляет над тем, как в душе одного человека, в данном случае всемирно признанного писателя, уживаются добро и зло.

(Джон Стейнбек, защищавший в своем творчестве угнетенных граждан Америки, восхищавшийся поэзией Шевченко, благословил и фактически оправдал американских летчиков — убийц вьетнамских детей.)

Опять гений и злодейство? Да. Эта тема в современном преломлении весьма волнует И. Драча. Не оттого ли он вновь и вновь задается вопросом: «С чего ты, сердце, вздумало болеть? Пора б тебе чуть-чуть забронзоветь, — а ты кипишь от боли и от мук. Огонь все шире раздвигает круг». (Перевод М. Дудина)

Поэт, уставший переживать из-за людских несчастий, кажется, уже не в силах больше воспринимать их: «В душе бездушно. Пепел да зола...» Кажется, все — душа перегорела. Но проходит время — и «чувствую, что это не конец: опять проклевывается птенец, расстет и начинает токовать, вогнав мне в душу меч по рукоятке».

Сердце истинного поэта не может очерстветь. Изнеможенное, израненное, при виде несчастий мира оно снова оживает, ощущая чужую боль как свою. Это же качество И. Драч стремится подчеркнуть в других известных поэтах, художниках, певцах. Его стихи «Марко Черемшина», «Мое воспоминание о Юрии Яновском», «Приближение к Паруйру Севаку», «Ивану Семеничу Козловскому» — это не фотографии, а портреты-обобщения, завершающиеся в общечеловеческий ход истории.

Читателя, знакомого с творчеством И. Драча по предыдущим публикациям и книгам или открывающего его сейчас по сборнику «Зеленые врата» (М., «Советский писатель», 1980) и «Американская тетрадь» (в ней еще опубликована драматическая поэма «Звезда и смерть Пабло Неруды», заслуживающая отдельного разговора), наверное, удивит и, возможно, смутят некоторые суперэпиграммные стихи и баллады о чудесах машинного века, о его противоречиях, грозящих катаклизмах. Наши мысли и чувства устремляются за причудливыми, нередко странными, деструктивными образами поэта и порой не в состоянии воспринять их. Но должен сказать, что И. Драч разнообразен и многолик. И потому каждый может «выбрать» себе своего Драча. Скажете, Драч репортажен, поверхностен или,

наоборот, сложен и зашифрован? Но прочтем вот эти строки:

Мой сын снимает
«Зерини» мою маму,
Все это происходит
нан во сне...
Грепещут блики солнца
в светлых рамах,
На виноградом вышитой
стене.
Идиллия! Похожа была
на небывль.
Я тут меж них
невидимый сижу.
Шатер атласный
молодого неба
над ними, над родимыми,
держу...
Как горестно
мишущее зовущим, —
Лови, мой сын,
невозвратный миг,
Ведь прошлое глядит
на нас грядущим
и земляничкой
на губах горчит.
Печальное светило
смотрит прямо —
За старым солнцем
юное идет...
Сидит в платке
моя седая мама —
В прицеле ануна
даже не моргнет...
(Перевод Н. ШУМАКОВА)

Это не только просто и понятно, но и пронзительно-задушевно. Элегичный, лиричный, «яснослепительный» Драч, Драч плачущий, тоскующий о невозвратности ушедшего «зеленого мгновенья» жизни.

Драматический, трагический Драч взглядывает на нас из стихотворения «Тайна», повествующего о прекрасной незнакомке, пришедшей на похороны возлюбленного, чтобы поцеловать умершего при его вдове и близких.

Драч тревожно-раздумчивый, но и оптимистический, лирический, и обличающе сатирический — с такими «ликками» поэта столкнемся мы в его книгах.

Строгий, можно сказать, классический Драч явится нам вот в этом маленьком стихотворении, полном скрытой трагической силы:

Пропадо, прошло, пролетело,
Исчезло, минуло, ушло —
И лишь головешками тлею,
И лишь пепелищем цвело.
Отвечалось,
сном отоснилось,
Мечталось о чем — не сбылось,
Пришло и назад откатилось,
Соленным рыданьем
зашлось...
(Перевод Н. ШУМАКОВА)

Можно подумать, что это вообще написал поэт начала века, эпохи Блока. Так что же, И. Драч — неорганичный поэт? Это только так кажется. Есть у И. Драча стихотворение с длинным названием «На дне росы, или Внутренний диалог по случаю выхода в свет двухтомной энциклопедии кибернетики». В стихотворении рассказывается о том, как поэт в годы войны спас из фашистского костра книгу — один том БСЭ, по которому потом учился читать: «отсюда — эта страсть к энциклопедиям!». Сегодня сердце поэта, ошеломленного успехами НТР, словно бы разрывают два голоса: что петь — научный прогресс или «дно росы», то есть природу, вечное? Но военное потрясение детства и соединяет в его душе оба голоса:

Хвала грядущему!
Мальчишка опаленный,
Напуганный огнем
и грохотом войны,
Бенит доньне с тем
тяжелым тоном
и греет птаху
губ своих теплом.
В поэте он живет —
доньне ходит
по дну росы,
по дну энциклопедий...
Хвала неутоленности!
Хвала и слава!
(Перевод Л. СМЕРНОВА)

«Жажда знания» таким образом оказывается в согласии с опытом, с пережитым. А интеллект, согретый болью души, не оставит без ответного отклика читателя. Тем более что мы знаем теперь, «зачем болит душа» у поэта и что он зашепчет миру.

Творится мир по грамму!
Сколько драм!
И жизнь течет песком,
не иссякая.
Не урони, а сотвори
своей грамм,
Идя из врат и во врата
вступая...

Поэтический мир тоже творится не разом, но это мы уже видели.

Павел УЛЬЯШОВ

206